

Где-то в районе Сретенки

Владимир Жуков

2023-09-17

Contents

ГДЕ-ТО В РАЙОНЕ СРЕТЕНКИ	1
ПРОЛОГ	1
ГЛАВА ПЕРВАЯ	4
ГЛАВА ВТОРАЯ	5
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	8
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ	11
ГЛАВА ПЯТАЯ	13
ГЛАВА ШЕСТАЯ	15
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	17
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	20
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	23
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ	25
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	26
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ	30
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ	32
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	35

ГДЕ-ТО В РАЙОНЕ СРЕТЕНКИ

ПРОЛОГ

Все столики в ночном клубе занимали молодые мужчины и женщины, сабвуферы насыщено басили, несколько световых голов вращались туда-сюда, кромсая темноту.

- Пропусти! Пропусти, слышь?! Мне надо работать! - провопила брюнетка в боди горничной, вырвалась из объятий невысокого прыщавого парня лет двадцати и шагнула к пилону на танцполе.

- Ты - моя женщина! Ты поедешь ко мне! - крикнул парень, ударил ладонью стриптизёршу по левой и правой щеке.

- Помогите! - перекрывая электронную музыку, проверещала брюнетка и вонзила ногти в кисть прыщавого парня, схватившую и тянувшую её длинные волосы вниз.

Призыв о помощи услышал Альберт Везбин. После службы по контракту в разведоте он недавно вернулся в родной город и устроился в ночной клуб вышибалой.

- Отпусти! Мне больно! - с коротчек пронзительно прокричала брюнетка и упала на колени.

Широко отшагнув от двери в коридор к туалетам, Альберт Везбин оказался за спиной дебошира, хлопнул ладонью между его лопаток и приказал:

- На выход!

- Что?! - возмутился прыщавый парень, отпустил волосы стриптизёрши, резко развернулся корпусом и прямой правой рукой описал горизонтальную дугу.

Альберт Везбин одной рукой поставил блок и ударом другой руки в челюсть сбил дебошира с ног. Стриптизёрша кинулась на танцпол, ухватилась руками за пилон и завертелась в ритме электронной музыки.

К Альберту Везбину приблизился крупный щекастый мужчина в дорогом костюме - телохранитель прыщавого парня - и рявкнул:

- Ты, паскуда, сына прокурора города ударил! Ну, держись, паскуда!

Музыка в зале затихла. Стриптизерша обвила ногами пилон. Люди за столиками замерли. Сын прокурора, упершись лбом в пол, жалобно замычал, прикрывая сломанную челюсть ладонью.

Альберт Везбин крутанулся вокруг своей оси и ударом ноги в висок опрокинул мужчину на спину.

- Ты что натворил, придурок?! - возмутился хозяин ночного клуба, выскочил из-за столика, за которым целовался с полной блондинкой, и приказал двум вышибалам, возвышавшимся у барной стойки: - Вован, Колян, разберитесь с Альбертом! Живо!

Альберт Везбин тыкнул кулаком в глаз хозяина клуба и выскочил через дверь на плохо освещённую улицу и там серией молниеносных ударов рук и ног уложил своих коллег на асфальт и умчался на мотоцикле к своему дому. Уже оказавшись

в однокомнатной квартире, он услышал звонок смартфона в кармане пиджака и связался с абонентом.

- Ты покалечил единственного сына прокурора, меня, Вована. Коляна! Я тебя в порошок сотру! - проголосил хозяин ночного клуба.

Альберт Везбин отключил смартфон, положил паспорт, валюту и рубли в борсетку, спустился во двор и укатил на мотоцикле в соседний город. Там он спрятал мотоцикл в недостроенной котельной у железнодорожного вокзала, купил в кассе билет и через пять минут попал в вагон скорого поезда.

- Спокойной ночи, - проворчала пожилая заспанная проводница и исчезла в служебном купе.

Альберт Везбин из тамбура позвонил родному брату матери - дяде Боре, который давно звал его работать в Москве.

- Альберт, ты?! Что случилось?! - раздался в смартфоне мужской голос с приятной хрипотцой.

- Дядя Боря, здравствуй, - приветствовал Альберт и сообщил: - Я еду к тебе. Поможешь мне с работой, с жильём? Я буду в Москве послезавтра рано утром.

- Базара нет, - заверил Борис Иванович и прибавил: - Я сейчас с Аллой на море. Запасной ключ возьмёшь в соседней квартире, у Клавдии Назаровны. Я позвоню ей и предупрежу о тебе. Где стоит мой дом, не забыл?

- Недалеко от Сретенского монастыря! - ответил Альберт, перекрикивая дробный стук вагонных колёс. - Дядя, скинь мне, на всякий случай, точный адрес!

- Сей момент, - пообещал Борис Иванович, и связь оборвалась.

Через несколько минут Альберт Везбин получил СМС от дяди Бори, прошёл в купе, где на нижних полках спало по мужчине, раскатал матрац с постельным бельём по верхней полке, забрался на неё, коснулся головой подушки и уснул.

В это время прокурор города сидел в одноместной палате городской больницы и горевал у кровати своего покалеченного отпрыска, подключенного к капельнице

В это время в городе и в его окрестностях полиция разыскивала тридцатилетнего брюнета выше среднего роста - Альберта Александровича Везбина.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Скорому поезду ехать до Москвы оставалось менее полусуток. За окном купе возникали и исчезали какие-то постройки, поля, стайки мелких птиц высоко в небе и на электрических проводах. Альберт Везбин с ненавистью посмотрел на колоду карт на столике. Поддавшись уговорам двух соседей по купе, он проиграл в буру все рубли из кожаной борсетки.

- Будь мужчиной, Альбертик, отыграйся, - повелительным тоном предложил сидевший за столиком пожилой очкарик с усами, сросшимися с аккуратной бородкой. Во время игры он заметил в борсетке Везбина пачку евро и мечтал стать её хозяином.

- Перед обедом тебе везло, после обеда везло. Непременно повезёт сейчас, - заверил пожилой мужчина с узкими плечами, с пальцами напоминавшие паучьи лапки. Он знал о той же пачке евро и хотел иметь её в кармане своего пиджака.

- Я играть не буду, - твёрдо отказался Альберт.

За окном купе появилась и остановилась железнодорожная станция с кирпичным зданием, у которого на коньке почерневшей шиферной крыши громоздилось гнездо аиста.

- Скучно, - проронил пожилой обладатель аккуратной бородки, взял со столика и повертел в тонких пальцах колоду карт. На уголке некоторых карт имелись едва заметные проколы, сообщавшие банкомёту достоинство и масть карты.

Поезд постоял минуту и покатился по берегу реки, отделённой от железнодорожного полотна кучами песка и крупных камней. Когда за окном замелькали металлические фермы моста, в купе вошла фигуристая молодая блондинка. Она сразу завладела вниманием пожилых картёжников нежным ароматом духов, крупной грудью под белой футболкой, симпатичным лицом с алыми губами.

- Лариса, - назвалась блондинка очаровательным голосом и попросила Везбина: - Молодой человек, пожалуйста, уступите девушке место у окна.

- Может тебе трусы ещё постирать?! - огрызнулся Альберт, раздражённый чужим мажорным настроением.

- Может быть, - весело откликнулась блондинка и закинула свой чемоданчик на верхнюю полку.

- Простите нашего молодого друга, Ларисочка. Он такой грубый из-за проигрыша в карты, - нарочито медленно перетасовывая колоду карт, сказал пожилой мужчина с аккуратной бородкой.

- Бывают в жизни огорчения, - отметила блондинка и прикрыла сочные губы прядью волос. Крупная грудь её колыхнулась от беззвучного смешка.

- Ну, вас всех к ядрене фене! - рассердился Альберт, повесил на плечо кожаную борсетку и быстро вышел в безлюдный коридор.

Блондинка присела к окну, за которым тянулся лес, и попросила:

- Мальчики, сыграйте со мной в картишки.

- Мы играем только на наличные, - сообщил мужчина с колодой карт в задрожавшей руке. Взгляд его уставился на женскую грудь и породил шаловливые фантазии о нудистском пляже.

- Это банально, - разочарованно произнесла блондинка и предложила: - Сыграем в дурака на раздевание? Кто проиграет - тот снимает с себя вещь.

- Сыграем, - поспешно согласились пожилые мужчины. Они знали друг друга много лет. Обманом обыгрывать людей в карточной игре было смыслом их существования. Они поверили, что вечер, заглянувший густым оранжевым закатом в окно купе, станет великолепным эпизодом в их кочевой жизни.

Поглядывая с хитрецей на самодовольные помолодевшие лица мужчин, блондинка завладела колодой карт, - игра началась. Козыри оказались черви.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Альберт Везбин несколько раз прошёл по коридору от туалета до туалета, смирился с проигрышем денег и остановился у двери своего купе. Он надумал лечь на верхнюю полку и прикинуться глухонемым до завтрашнего утра, до прибытия поезда в Москву. Но планам его помешала появившаяся в коридоре молодая женщина в белом платье просторного покроя, в белых босоножках. Завитки коротких тёмно-русых волос её придавали детскость её приятному овальному лицу. Выглядела она не старше лет двадцати. За спиной женщины двигался, сильно шатаясь, одурманенный чем-то молодой азиат и что-то требовал короткими фразами на родном языке.

- Отстаньте от меня! Отстаньте, или я позову проводницу! - пригрозила темно-русская женщина преследователю. Чёрные глаза её блестели от слёз. Щёки её пылали. Она мысленно умоляла своего ангела-хранителя сделать её невидимкой.

- Я сегодня за проводницу, - сказал Альберт и ударом правого кулака в подбородок нокаутировал азиата.

- Привет, - произнесла женщина спокойно, словно не случилось ничего необычного. - Я - Нина. Я еду в Москву.

Тут дверь в купе Везбина отворилась, и в коридор выползли попластунски два пожилых мужчины в семейных трусах. Женский ядовитый смех сопровождал мелкие движения их костлявых рук и ног.

- Лара развлекается, - пояснила Нина с многозначительной ухмылкой. - С ней сейчас тебе лучше не встречаться.

- Почему? - не понял Альберт, с удовольствием наблюдая, как обигравшие его картёжники ползут к туалету.

- Она тебя замучает до смерти, - ответила Нина серьёзно.

Из купе высунула голову раскрасневшаяся Лариса и потребовала:

- Вернитесь импотенты! Давайте играть дальше! Козыри - буби!

- Отстань от нас, - отозвались картёжники, продолжая ползти. - Мы дадим тебе денег, только отстань от нас.

Нина утянула Альберта Везбина за руку в тамбур и поведала скороговоркой:

- Когда-то муж Лары, разжёл в ней страсть к сексу, разжёл и погиб от ножа в бандитской разборке на вещевом рынке. С тех пор, если какой-нибудь мужик тронет ляжку или коленку Лары, она превращается в фурию с ненасытной утробой. Лару знают все женатики нашего города. За это их жёны сговорились покалечить Лару и меня заодно, хотя я редко спала с женатиками. Я с Ларой еду в Москву. В Москве нас ждут великие дела.

- Проституция? - как бы ненароком поинтересовался Альберт.

- Каждый зарабатывает на жизнь, как может, - отозвалась Нина и вскинула голову. В чёрных глазах её мелькнула тревога.

- И я так считаю, - произнёс Альберт веско. - Пойдём, выпьем вина в ресторане.

- Пойдём, - согласилась Нина и поинтересовалась: - Имя своё назовешь или кликухой отделаешься?

- С чего ты решила, что у меня есть кликуха?! - удивился Альберт.

- Я знаю мужчин. Ты из крутых парней, из парней с кликухой.

Альберт Везбин назвал своё имя и отправился с Ниной в вагон-ресторан.

Из двенадцати столиков в вагоне-ресторане был занят лишь один – двое мужчин и две женщины пили за ним красное вино и громко разговаривали.

Альберт усадил Нину за столик подальше от шумной компании, подозвал официанта и попросил:

– Принести-ка нам, друг мой, бутылку самого дорогого вина и самое вкусное пирожное.

– Жаль, что мы завтра расстанемся! – воскликнул женский голос из компании. – Давайте встретимся будущим летом в том же санатории.

– Помнишь, Кэт, как за день до отъезда, ты пьяная залезла на крышу столовой и ругалась с лесным эхом?! – произнёс мужской голос. – Потом разделась и загорала под луной. А когда я к тебе подкрался, ты ...

– Об этом неприлично за столом! – запретил женский голос. – Давайте, выпьем за руки массажистов санатория!

– Выпьем! – согласились вразнобой три голоса.

– Помнишь, Мэри, как ты подавилась в столовой вишнёвой косточкой? – задал вопрос женский голос.

Компания дружно хохотнула.

Официант принёс и поставил на столик перед Альбертом Везбиным и Ниной бутылку вина, бокалы и тарелочку с пирожным, получил оплату в евро и довольный удалился к столику с кассовым аппаратом.

В вагоне-ресторане появилась Лариса. В руках она держала пару мужских брюк.

– Что это значит, Лара? – насмешливо спросила Нина и отпила вино из бокала.

– Шампанского! – объявила Лариса официанту, уселась за столик по правую руку от подруги, положила мужские брюки на колени и спросила у Везбина: – Молодой человек, трахни меня. Я докажу тебе и двум шулерам, что секс лучше любой карточной игры!

– Лара, не смей! Лара, он мой! – воскликнула Нина, выскочила из-за столика и руками хорошенько сжала горло подруги. – Врубилась?!

– Твой, твой. Забирай, – прохрипела Лариса.

Нина разжала пальцы, чмокнула Ларису в нос и сказала:

– Я люблю тебя.

Альберт Везбин заплатил официанту за шампанское Ларисы и ушёл за Ниной из вагона-ресторана.

Оказалось, в купе с Ниной ехали три невзрачные старушки – родные сестры-погодки. Увидев свою попутчицу с молодым мужчиной, они, сидевшие на нижней полке, сделали морщинистые лица сердитыми. Каждая из них была давным-давно брошенной женой. Каждая из них ненавидела мужчин за кобелизм и жуткий эгоизм.

– Вякните хоть слово – зашибу! – пригрозил зловещим тоном Альберт и поводил кулаком перед крючковатыми носами старушек.

Онемев от страха, сестры-погодки притиснулись к углу, у двери. Зубы их вставных челюстей застучали в такт стуку вагонных колёс.

Нина поспешно выложила из своего чемодана на столик коробочку с презервативами, силиконовые наручники, три разных по цвету парика, тубик интимного геля...

Всю ночь сестры-погодки просидели на нижней полке, прижавшись друг к другу. Подглядывая за сексом молодой пары, они глубоко огорчались на быстротечность своей жизни, большую часть которой потратили на духовное развитие.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

На Ярославский вокзал скорый поезд прибыл в безоблачный августовский рассветный час. Выйдя из вагонов, пассажиры неплотной толпой двинулись вдоль состава к зданию вокзала, с тремя разными по форме башенками на крыше. Нина и Лариса в белых просторных платьях покинули купейный вагон, встали на краю перрона параллельного железнодорожного пути. Каждая из них держала в руке чемодан из жёлто-зелёной ткани. Прежде не бывая в Москве, женщины внимательно посмотрели по сторонам, принюхались к незнакомым запахам.

Нина заметила бредущих по платформе трёх старушек в чёрном одеянии и помахала им рукой. Лариса повторила жест подруги для двух пожилых шулеров, – каждый из них в ответ покрутил указательным пальцем у виска. На всю оставшуюся жизнь оба шулера запомнили, как при въезде поезда в Москву выкупил

деньгами Альберта свою одежду у сексуально озабоченной женщины, не умеющей проигрывать в дурака.

- Лара, где твой Паша-гном, где? - недовольно спросила Нина и поднятой рукой поманила появившегося из вагона Альберта Везбина. Она захотела поцелуем попрощаться с мужчиной, с которым испытала умопомрачительное наслаждение минувшей ночью в купе.

- Не дергайся, Нинок, у меня всё схвачено. Сейчас я ему позвоню, - сказала Лариса и достала из кармашка платья мобильный телефон, в памяти которого хранилась фотка московского сутенёра с аляповатым прямоугольным лицом. Лариса познакомилась с Пашей-гномом по переписке на сайте интимных услуг. Это он пригласил её и Нину в Москву.

- Хэллоу, девочки, - приветливо сказал молодой черноволосый мужчина под два метра роста, в легкой спортивной курточке, в белых узких брюках.

- Привет, Паша-гном. Мы давно тебя ждём, - недовольно отозвалась Лариса.

- Почему ты гном? - не удержалась от вопроса Нина, не сводя глаз с приближавшего к ней Везбина.

- Давайте ваши паспорта. Давайте ваши справки из поликлиники и КВД, - потребовал Паша-гном. - У меня солидная фирма. Больных и заразных я не держу.

Каждая из женщин быстро достала из чемодана конверт с документами.

- Мне надо денёк отдохнуть. Я не в форме. Я плохо спала ночь из-за храпа соседок по купе, - произнесла Нина и закрыла чемоданчик. Она чувствовала себя усталой, не выспавшейся и не хотела в этот день сексом с другими мужчинами затуманивать в памяти образ Альберта.

- Разве я разрешал тебе, сучка рваная, рот открывать?! - убрал документы женщин в карман курточки, рассердился Паша-гном и отвесил Нине хлесткий подзатыльник. - С этого момента, сучки рваные, называйте меня и всех своих клиентов: мой господин.

Альберт Везбин шагнул к сутенёру и грозно спросил, указывая строгим взглядом на понурую Нину:

- Ты что, солитёр, грабли распускаешь?! Ты почему её ударил?!

- Прощай Альберт, - печально произнесла Нина.

- Отвянь от этой сучки, деревня! - презрительно бросил Паша-гном в лицо Везбина. - Эта сучка тебе не по карману. Она уже забронирована за солидным человеком.

- Я хочу эту, - твёрдо сказал Альберт.

- Проваливай, проваливай, деревня, а то отвешу тебе хороших люлей, - пригрозил Паша-гном и сквозь зубы сплюнул в сторону. Он был выше Везбина на голову и имел более длинные руки.

- Что ты вякнул?! - рассвирепел Альберт и покачал широкими плечами.

Предчувствуя драку, Нина и Лариса отшагнули от Паши-гнома.

Стремительной борцовской мельницей Альберт Везбин усадил сутенёра на оплётанную урну.

- Что ты наделал?! - округлив от страха глаза, воскликнула Лариса.

- Убрал мусор, - буркнул Альберт, приобнял Нину за талию и увлёк в здание вокзала.

- Здравствуй, столица! Здравствуй, Москва! - с сарказмом воскликнула Лариса вслед подруге.

- Кто он такой?! - придя в себя после головокружительного полёта и выбравшись из урны, взбесился Паша-гном, сбивая пальцами окурки и бумажки, прилипшие к его брюкам, мокрым от тёплой мочи.

- Не знаю, - промямлила Лариса и нахмурилась, хотя хотела смеяться.

- Звони своей товарке! - рявкнул Паша-гном. - Её документы у меня! Без них она кашка! Без них она будет подстилкой для бомжей!

Лариса торопливо набрала на телефоне номер Нины и услышала ответ: абонент недоступен.

- За мной, сучка рваная, - приказал Паша-гном и, прикрывая чемоданом Ларисы мокрое пятно на брюках, мелкими шажками двинулся в проход между зданием Ярославского вокзала и наземной станцией метро «Комсомольская».

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

На привокзальной площади, рядом со спуском в подземный переход, Альберт Везбин и Нина уселись на заднее сидение жёлтого такси.

- Куды ехати? - спросил длинноусый пожилой таксист в беретке. От лёгкой улыбки его плоское лицо подобрело.

Альберт Везбин назвал адрес из записной книжки смартфона. Нина заметила в уличной толпе Пашу-гнома, Ларису и склонила голову к коленям.

Услышанный адрес таксист занёс в навигатор на лобовом стекле и, ориентируясь по зеленой линии, появившейся на экране гаджета, вывел автомобиль под железнодорожным мостом на улицу с трамвайными рельсами. Будь таксист экскурсоводом Альберт Везбин и Нина услышали бы, что проехали мимо одной из семи сталинских высоток - гостиницы «Ленинградская», мимо стены скорби - мемориала жертвам сталинских репрессий, мимо станка-качалки нефти - жанровой скульптуры перед зданием нефтяной компании.

- Памятник Крупской! Стой! - радостно приказал Альберт.

Бронзовая жена и соратница Ленина возвышалась с двумя бронзовыми пилонами на бульваре. Такси замерло у тротуара. Альберт Везбин расплатился за поездку, прихватил чемодан и покинул за Ниной салон автомобиля.

На противоположной стороне улице показывал себя храм Успенья Пресвятой Богородицы. Ветра не было. Прозрачные мелкие облачка слегка и ненадолго затеняли августовское солнце.

Альберт Везбин вместе с Ниной пересёк Сретенку, прошёл несколько минут в сторону Сухаревской площади и свернул в переулок с плотно построенными друг к другу невысокими домами.

- Долго ещё? - жалобно спросила Нина и вытерла носовым платочком вспотевший лоб.

Альберт Везбин осмотрелся, провёл свою спутницу под аркой в узкий дворик, а оттуда в подъезд векового дома с зарешеченными окнами. Оказавшись на сумрачной лестничной площадке первого этажа, он позвонил в квартиру, на двери которой висел ржавый почтовый ящик и громко сказал:

- Клавдия Назаровна, откройте! Я - племянник Бориса Ивановича Жиколова.

Прошла минута. Ключ провернулся во врезном замке, и дверь в квартиру приоткрылась насколько, позволяла цепочка ограничитель. На коврике в прихожей стояла старушка в плюшевом халате. Полвека она преподавала русский язык и литературу в школе. Теперь она, предчувствуя свою скорую смерть, писала большую часть дня воспоминания об учителях, с которыми дружила и враждовала; о тупых и талантливых учениках.

- Я - племянник Бориса Ивановича Жиколова, - опять назвался Альберт.

- Я поняла, молодой человек. Я ещё из ума не выжила, - проворчала старушка, достала из кармана халата и отдала Везбину крестовый ключ. - Убедительно прошу не шуметь ни днём, ни ночью. Шум пугает мои воспоминания.

- Утром шуметь можно? - пошутила Нина.

- И утром нельзя, и вечером нельзя, - заключила старушка сердито и отделилась от визитеров дверью.

Альберт Везбин отпер дверь соседней квартиры, вступил в прихожую и увидел своё и Нины ростовое отражение в старинном зеркале на стене.

- Кто твой дядя? - спросила Нина и прошагала в комнату с тёмным паркетом, с полинявшими обоями, с извилистой щелью на потолке. Ни старый платяной шкаф, ни двуспальная кровать, укрытая верблюжьим одеялом, не придавала комнате презентабельность и уют. В ячейках оконной решётки виднелся проулок между невысокими домами.

- Дядя Боря - хозяин огромной строительной компании, - поведал Альберт и присел на край кровати. - Он сейчас проводит медовый месяц на море. Алла - жена дяди - младше его лет на тридцать. Дядя Боря рассказывал мне, что познакомился с Аллой на новогоднем корпоративе. Алла была в костюме Снегурочки.

- Странно, - оглядывая комнату, проронила Нина. - Почему они живут в таком убожестве?

Альберт Везбин рассмеялся, усадил Нину себе на колени и пояснил:

- Видела бы ты трёхэтажный коттедж дяди Бори на Рублевском шоссе, ты бы так не говорила. А это самая первая квартира, которую дядя Боря купил в Москве. Он собирается сделать из неё музей своей жизни.

- Ванна или душ здесь есть? – почувствовав на бёдрах и на груди его жилистые пальцы Альберта, спросила Нина.

- Есть.

- Я первая! – игриво заявила Нина, выкрутилась из рук Альберта и выбежала из комнаты. В прихожей она прихватила чемодан и скрылась в ванной комнате, совмещенной с туалетом, в которой легко бы уместилось такси. Раздевшись, Нина взяла из чемодана шампунь для волос, гель для тела, забралась в двухметровую ванну и включила воду.

Альберт Везбин повалился спиной на кровать и из-за бессонной ночи в купе с Ниной крепко заснул.

ГЛАВА ПЯТАЯ

- Вставай, соня! Ванна свободна! – поставив чемодан у стены в прихожей и запрыгнув с коленями на кровать, воскликнула голая Нина.

Альберт Везбин распахнул глаза и схватил руками голову Нины с влажными волосами, тонко пахнущими абрикосом. потянулся губами к её губам.

- Скажи, что ты меня любишь, – произнесла с придыханием Нина.

- Скажи, как говорил в ночь в купе.

- Я люблю тебя, – выполнил просьбу Альберт.

- Спасибо, – прошептала Нина.

Альберт Везбин протянул руки к её груди.

- Всё получишь после ванной! – поставила условие Нина, соскочила с кровати и, тихо посмеиваясь, спряталась за угол платяного шкафа.

Альберт Везбин соскочил с кровати, убежал в ванную комнату и встал под душ.

Из прихожей донеслась мелодия входящего звонка. Нина метнулась из комнаты, достала из чемодана мобильник и увидела высветившийся на его экране номер Ларисы.

- Лара, не переживай. Я в порядке, – произнесла Нина и услышала грозный голос Паши-гнома: – Сучка рваная, не приедешь ко мне за час, я твоей товарке руки и ноги переломлю. Поняла?!

В телефоне раздался женский вопль о пощаде – это Паша-гном кулаком ударил в живот Ларисы.

– Поняла, поняла, – дрогнувшим голосом зачастила Нина. – Я еду, еду, еду. Говори: куда.

– Приезжай одна! – потребовал Паша-гном и назвал адрес.

Нина торопливо достала из чемодана и надела длинную бежевую юбку, прозрачную белую блузку, обулась в босоножки, вернулась в комнату, выхватила из лежавшей на кровати борсетки Везбина все купюры, выбежала в прихожую и открыла входную дверь.

– Ты куда?! – вышагнув из ванной комнаты, удивился голый Альберт. Мыльная вода стекала и капала с него на пол. – Я хочу тебя!

– Лара в беде, я должна ей помочь! – Нина шагнула на лестничную площадку. – Я уже потеряла двух подруг. Их тела так и не нашли.

– Не керосинь! Иди ко мне! – потребовал Альберт.

– Не могу. Паша-гном покалечит Лару, если я к нему не приеду.

– Поехали вместе! – предложил Альберт, кинулся к своей одежде на вешалке в ванной комнате, снял брюки и сунул ногу в брючину.

Нина выдернула ключ из замка, захлопнула дверь в квартиру, закрыла ключом замок.

– Стой! – Альберт кинулся в погоню, но запутался ногами в брючинах и растянулся на паркете прихожей,

Нина прибавила ключ к телефону в кармашке юбки и, сжимая валюту в кулачке, выскочила из подъезда в узкий дворик, выбежала через арку в переулок и распахнула блузку.

– По какому поводу стриптиз? – остановив иномарку и приспустив стекло на дверце, весело спросил водитель, с восхищением рассматривая изящную беспокойную грудь стройной молодой женщины с темно-русыми короткими волосами.

– Ехать надо, – ответила Нина, назвала адрес и добавила фразу, которой часто и с успехом пользовалась для получения помощи: – Заплачу натурой.

– Я деньги люблю, красавица! Натуру оставь другому, – выразительно посматривая на евро торчавшие из женского кулачка, отозвался водитель.

- Получишь, - объявила Нина, решительно уселась на переднее сиденье и мысленно попросила своего ангела-хранителя защитить Ларису от Паши-гнома.

Водитель надавил на педаль газа, и иномарка покатила за другой иномаркой к Садовому кольцу.

Тем временем Альберт Везбин в брюках носился от распахнутого зарешеченного окна комнаты к распахнутому зарешеченному окну кухни и обратно, по пути пиная входную дверь квартиры. Но сколько бы он не дёргал решётки на окнах, они не поддавались его могучим рукам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Клавдия Назаровна сидела на мягком стуле за стареньким письменным столом. За спиной её висели на стене групповые фотографии любимых учеников разных лет. Когда-то на столе возвышались стопкой тетради школьников с сочинениями по литературе, а теперь лежала толстая тетрадь в коричневом переплёте. На её страницах Клавдия Назаровна писала воспоминания только карандашом после экскурсии по дому-музею Чехова на Садово-Кудринской улице, где увидела четвертушки бумаги, исписанные карандашом писателя.

Клавдия Назаровна медленно полистала тетрадь и задумалась о вымысле и правде в своих записях. Вот в дневнике история о судьбе рассказа из жизни школьников. Рассказ она написала в тридцать три года и отнесла в редакцию журнала. Но была ли эта история или нет - бездоказательно, а в дневнике есть строчки:

«Редактор журнала позвонил мне на домашний телефон вечером.

- Здравствуйте, Клава, - поздоровался он. - Ваш рассказ о дружбе и предательстве среди десятиклассников я утвердил к публикации в юбилейном номере журнала.

- Спасибо, - ответила я и почувствовала себя одуревшей от счастья. Никто среди моих родных и знакомых нигде не публиковался. Я даже представила, как удивится директор школы, когда я раскрою на его столе номер журнала с моим рассказом.

– Клава, жду Вас завтра в пять часов вечера в моём кабинете. Мы подпишем издательский договор, – сказал редактор и попрощался.

Ночью мне снилось, что люди идут по Сретенке и читают мой рассказ в журнале. Не помню, как я провела уроки в школе. В кабинет редактора журнала я вошла ровно в семнадцать ноль-ноль. Редактор – пожилой толстячок с весёлым круглым лицом – повалил меня на диван и приспустил брюки. От неожиданности я онемела, но ноги мои сами отбросили расслунявившегося редактора под широкий подоконник. Не помню, как я выскочила в коридор. Меня трясло. Я плакала и смеялась над своими мечтами о славе писателя. Какая я была глупая, хотя тогда мне было тридцати три года».

Клавдия Назаровна закрыла дневник. Она не хотела читать, как редактор позвонил ей по телефону и сообщил, что рассказ её никогда не появится в журнале и в этой ситуации виновата только она.

Глухой стук раздался на лестничной площадке. Клавдия Назаровна вздрогнула. Подобный стук она порой слышала по ночам и фантазировала: часы исчезнувшей Сухаревской башни предупреждают москвичей, что энергия воровства, хамства, лжи вылезает через трещины в асфальте когда-то рыночной площади и расползается по Сретенке с переулками.

Глухой стук повторился. Клавдия Назаровна прошла в переднюю, приоткрыла входную дверь, выглянула на лестничную площадку – полумрак, темно-зелёные стены, никого!

Дверь квартиры Бориса Ивановича гроыхнула, сотряслась от очередного удара ноги Альберта Везбина.

Клавдия Назаровна вспомнила, как рассказывала ученикам на факультативе по литературе, что из-за множества драк, из-за частых поножовщин, из-за множества пьяных рож и проституток Антон Павлович Чехов уехал из района Сретенки, хотя съёмные квартиры там были самые дешёвые в Москве.

– Прекратите шуметь! – шагнув на коврик для вытирания ног, громко потребовала Клавдия Назаровна. – Шум мешает мне общаться с прошлым!

– Моя невеста уехала к подруге, а меня закрыла, чтобы я нигде не шлялся до её возвращения. Моя невеста очень ревнивая, а у меня важная встреча с работодателем, – крикнул выдумку Альберт в замочную скважину входной квартирной двери, вернулся в комнату, разбежался от подоконника и опять врзал ногой в дверное полотно. От очередного мощного удара язычок

выломал ответную планку вместе с куском дверной коробки, и двери распахнулась наружу.

– Я вызову полицию. Тебя арестуют за хулиганство, – почувствовав учащенное биение сердца, пригрозила Клавдия Назаровна.

Держа пиджак и рубашку в руках, Альберт Везбин вышагнул на лестничную площадку, захлопнул покалеченную дверь, поцеловал старушку в дряблые щеки.

От неожиданных крепких поцелуев Клавдия Назаровна прослезилась, захлюпала носом.

Альберт Везбин надел рубашку, пиджак и вышел из подъезда наружу. Чувствуя голод, он мечтал о куске жареного мяса.

Клавдия Назаровна вернулась к письменному столу и доверила дневнику воспоминания об отце любимого её ученика, Коли Стоевкина:

«Василий Стоевкин, жгучий брюнет с усиками, проводил меня домой после родительского собрания. До сих пор я помню его жаркие поцелуи в подъезде. После поцелуев и слов о любви он переночевал у меня. Мы стали встречаться по средам. Встречались до вечера, в который я сказала ему о своей беременности. Он назвал меня гадкими словами и ушёл. Больше мы не встречались. На родительские собрания ходила мама Коли. Я же сделала аборт. Видит Бог, не могла я в ту пору быть матерью одиночкой, учительницей и ещё ухаживать за мамой, страдавшей от язвы желудка.

Клавдия Назаровна заложила страницу затупившимся карандашом и убрала дневник в ящик стола. Она почему-то испугалась, что её воспоминания о первой любви прочтут школьники с фотографий на стене.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В холле мини-гостиницы в двухэтажном здании Нина подошла к стойке администратора и сказала:

– Я до Паши-гнома. Он меня ждёт. Я – подруга Ларисы.

Администратор – женщина средних лет и приятной внешности – презрительно хмыкнула, позвонила по проводному телефону, повторила в трубку слова Нины, выслушала короткий ответ и, указывая рукой направление, сообщила сухо:

- Ковыляй, девочка, к служебному лифту. Успехов тебе в труде и в личной жизни.

Нина подошла к лифту, створки его открылись, и Паша-гном втянул её за руку в кабину. Двери закрылись. Кабина устремилась вверх. Нина не на шутку перепугалась, вжалась в угол и мысленно попросила у своего ангела-хранителя защиты.

- Тебя, сучка рваная, по твоей фотке, заказал очень уважаемый и богатый человек, а то бы я тебе все зубы выбил, - произнёс Паша-гном и переложил из кармана юбки Нины в карман своих брюк пачку евро, крестовый ключ и мобильник.

- Что с Ларисой? - прошептала Нина.

- Рот закрой. Я тебе слово не давал, - сказал Паша-гном и повторил слова, которые говорил на перроне Ярославского вокзала. - Называй меня: мой господин.

- Ещё чего?! - возмутилась Нина. Как желанный товар для богатого клиента, она обрела уверенность в себе.

- Тебя я пока не трону. За твой выпендрёшь я твоей товарке отвешу люлей. Усекла? - злобно проорчал Паша-гном и накрыл потной растопыренной пятернёй лоб Нины.

Лифт остановился на втором этаже. Паша-гном рукой схватил Нину за волосы на затылке и провёл по коридору с закрытыми дверями. Дверь с номером двести двадцать два он открыл ключом, втолкнул Нину в номер, закрыл дверь на ключ и исчез в своём жилище за дверью, на которой была прибита баскетбольная сетка.

В комнате, в которую попала Нина, стояло две кровати. На одной из них лежала в прозрачных трусиках Лариса, словно манекен, если бы не разные гримасы на бледном лице без косметики. Веки её без наклеенных ресниц подрагивали. Свистящее дыхание её прерывали тихие стоны. Оплывшая голая грудь её едва заметно поднималась и опускалась. На животе виднелся синяк от удара, а на локтевом сгибе синяк от неумелого укола.

- Лара, Лара, Лара, - тихо позвала Нина и потрясла рукой плечо подруги.

Лариса тягуче простонала, приоткрыла потрескавшиеся губы, медленно разомкнула веки, не поняла, где находится, сомкнула веки и загрезила морскими пенными волнами, которые накатываясь на гальку, издавали ласковую мелодию.

- Лара, это я! - Нина расцеловала бледное лицо подруги. - Очнись! Пожалуйста, очнись!

После короткого стопа Лариса прошептала:

- Нинок, беги отсюда... Паша-гном вколол мне какую-то дурь...
Нинок, беги отсюда, беги...

- Если я убегу, Паша-гном убьёт тебя, - сказала слёзным голосом
Нина и вновь расцеловала лицо подруги.

- Пусть убьёт, - чуть громче произнесла Лариса. - Я много видела.
Я много пережила. Мне есть, что рассказать апостолу Петру.

Нина выпрямилась. Она была в ужасе. Она знала Ларису
активной, неунывающей обожательницей жизни.

Дверь в номер открылась после щелчка в замке. На пороге
появился Паша-гном и приказал:

- Выходи на кастинг, сучка рваная.

- Мой господин, у меня нет косметики, платья, - торопливо
произнесла Нина с недовольным лицом. - Все мои шмотки в
чемодане. Чемодан в квартире дома, где-то недалеко от улицы
Сретенка.

- Голой выходи, сучка рваная, - рассердился Паша-гном. - Живо!

Нина прошла в коридор и встала к стене, в прогалине в ряду
голых проституток в возрасте от восемнадцати до сорока лет, с
разной формой груди, с разной фигурой, с разным цветом глаз и
волос.

Из лифта шагнул в дорогом светлом костюме мужчина лет
пятидесяти и плотного телосложения. Двое телохранителей не
старше сорока лет возвышались за его спиной.

- Здравствуйте, Валентин Валентинович, - сгибом коленей
заметно укоротив свой рост, сказал Паша-гном с подобострастным
лицом. - Сучка, которая вам понравилась на фотографии, здесь.

- Заткнись, без тебе вижу, - потребовал Валентин Валентинович
и приблизился к Нине, не сводя маслянистого взгляда с её
крепкой груди, идеально соответствовавшей её невысокой
стройной фигуре. - Покажи зубы.

Нина широко открыла рот, медленно запрокинула голову.
Ровные белые натуральные зубы её понравились Валентину
Валентиновичу, обладателю искусственных зубов.

- Подними руки, - почувствовав, как зашевелилась крайняя
плоть, приказал он.

Нина исполнила команду. Её чисто выбритые тонко пахнувшие
абрикосом подмышки Валентин Валентинович обнюхал толстым

носом и сообщил:

- Беру.

- Отличный выбор, - отметил Паша-гном с подхалимской улыбочкой.

- Савелий, сынок, пакуй её и в машину, - приказал одному телохранителю Валентин Валентинович и с другим телохранителем исчез за закрывшимися створками лифта.

Пока Нина в номере надевала чёрное платье из чемодана подруги, телохранитель, похрюкивая от удовольствия, помял и потискал голую Ларису, которая пластом лежала на кровати и под действием наркотика искала своего ангела-хранителя в сказочной стране.

- Савелий, потрогал сучку, плати, - потребовал Паша-гном.

Телохранитель острым носком туфли на правой ноге врезал сутенёру под коленную чашечку и пояснил:

- Это за то, что ты в прошлый раз подсунил моему отцу тупую малообразованную ленивую в постели бабёнку. Скажи спасибо, в тот день мой отец выиграл дело в арбитраже, иначе ты бы у меня умылся кровавыми слезами за испорченный вечер.

Паша-гном промычал от боли в колене, присел на кровать возле головы Ларисы. Он знал, что Савелий приёмный и любимый сын Валентина Валентиновича, и не посмел ни голосом, ни взглядом выразить ему своё недовольство.

Телохранитель и Нина вышли из номера, спустились на лифте в холл. Затем, оказавшись на тихой улице, они уселись в фиолетовый лимузин. Телохранитель за руль, а Нина на заднее сидение, где Валентин Валентинович просматривал на экране ноутбука текущий курс валют и цены на недвижимость в разных округах Москвы. Другой телохранитель сидел на переднем пассажирском сидении и, держа руку на кобуре под полкой пиджака, смотрел по сторонам.

Савелий тронул лимузин с места и через минут десять въехал в подземный гараж невысокого дома в одном из переулков в районе Сретенки.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Пройдя квартал по теневой стороне улицы, Альберт Везбин вошёл в кафе на цокольном этаже векового многоэтажного

дома.

- Уважаемый, вам сюда нельзя, - строго запретил поджарый охранник неопределённого возраста. - Ваш костюм словно из стиральной машины. Ваше присутствие будет неприятно нашим посетителям. Киоск с хот-догами за углом, в соседнем переулке.

- У меня есть деньги, - грозно произнёс Альберт и повёл могучими плечами.

- Предъявите, будьте любезны, - предложил охранник

За столиком, самым близким к входу, двое юношей с подкрашенными веками, с зелёным маникюром длинных ногтей пили из бокалов вино и лакомились с тарелки ломтиками сыра. Из нагрудного кармашка пёстрых рубашек юношей торчало по белой розе. Других посетителей в кафе не было.

- Ах, ты мать моя, - расстроился Альберт, не найдя валюту в борсетке, Конечно, он мигом догадался, что воровка денег Нина и ещё с горечью вспомнил о своём проигрыше кучи рублей двум пожилым шулерам в купе скорого поезда.

Юноши в пёстрых рубашках выпили по глотку вина, поцеловались и устали друг на друга влюбленными взглядами.

Охранник коснулся кончиками пальцем руки предплечья Везбина и тихо произнёс любезным тоном:

- Уходи отсюда, противный. Киоск с хот-догами в соседнем переулке.

- Иди-ка ты козе в трещину! - рявкнул Альберт и боковой подсечкой уронил без подстраховки охранника на пол.

Юноши за столиком поперхнулись вином, закашляли и застучали по спине друг другу кулачком. Альберт Везбин схватил с их столика тарелку с сыром и выбежал на улицу. По дороге к дому дяди Бори он быстро съел весь сыр, а тарелку отдал старушке, кормившей сухим кормом кошек на Сретенском бульваре.

Оставаясь голодным, Альберт Везбин зашёл в продуктовый магазин, в одном доме с антикварным салоном, положил в корзину палку сырокопчёной колбасы, пакет молока, десяток яиц, батон хлеба, пачку чая и подошёл к кассе. Очереди не было. Из покупателей только подросток бродил среди стеллажей с товаром.

- С вас ... - отсканировав товар, сказал молодой кассир восточной наружности.

Альберт Везбин прямым ударом правой руки нокаутировал кассира, солидно вышел с корзиной продуктов из магазина и скрылся в проходном дворе.

Подросток схватил со стеллажа две банки пива, пакетик чипсов выскочил на Сретенку и помчался к Лубянской площади.

Кассир магазина пришёл в себя нескоро и вызвал полицию. Приехавшему полицейскому патрулю он назвал лишь такие приметы грабителя – чёрные короткие волосы, широкие плечи, светлый помятый костюм.

Тем временем Альберт Везбин в квартире дяди Бори разложил на кухонном столе продукты и утолил голод тремя сырыми яйцами, куском колбасы и хлеба, а жажду несколькими глотками холодной воды из-под крана. После перекуса он побродил по квартире, надумал устроиться в какую-нибудь фирму охранником, заработать и вернуть хозяину магазина деньги за взятые силой продукты.

Из кармана пиджака, висевшего на гвозде в прихожей, послышалась имитация волчьего воя. Альберт Везбин понял, что звонит дядя Боря, взял смартфон и приветствовал:

- Здравствуй, дядя. У меня всё ...

- Слушай, Альберт. Есть проблема, – сердито перебил Борис Иванович. После обеда он полулежал в кресле под шезлонгом и любовался Аллой – своей молодой женой, которая плавала на спине в лазурной прозрачной воде гостиничного бассейна.

- Какая, дядя? – отозвался Альберт.

- Оказывается ты – герой! Мне звонил Вася Гролов. Знаешь такого?

- Да. Прокурор города.

- Оказывается, ты в ночном клубе сломал челюсть его любимому сыну, – сказал Борис Иванович и заметил, что мимо Аллы проплыл брассом молодой блондин, что-то сказал и чему-то рассмеялся.

- Дядя, я делал свою работу, за которую получал деньги, – оправдался Альберт.

- Это теперь неважно, – объявил Борис Иванович. – Скажи спасибо, что Вася Гролов – мой старинный друг. Пацанами мы вместе подглядывали за бабами в бане, щупали девок на танцах. Я всё с Васей уладил. Теперь тебя полиция не разыскивает.

- Спасибо, дядя, – торопливо поблагодарил Альберт.

- Спасибо, скажи матери своей, - произнёс жёстко Борис Иванович. - Квартиру, которую она заработала на стройке, заберёт себе сын Васи Гролова, как компенсацию за моральный и физический ущерб. Ты ему оформишь дарственную на квартиру.

- Оформлю - ничего страшного. Я в Москве денег срублю и в Москве квартиру куплю, - бодро ответил Альберт.

- Ну, ну, вернусь с моря, поговорим, - пообещал Борис Иванович, оставил телефон на шезлонге, с разбега бултыхнулся в бассейн и под водой погрёб к жене, вокруг которой плавал смуглый брюнет.

Альберт Везбин вернул смартфон в карман пиджака, поклонился по квартире и взялся ради хохмы примерять перед зеркалом в прихожей парики и одежду из чемодана Нины.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Под высоким потолком спальни, расписанным эротическими сценами животных, лежали на кровати голые Валентин Валентинович и Нина. Бесшумный кондиционер приятно охлаждал их разгоряченные сексом тела.

- Расскажи мне о себе, - млея от полученного наслаждения, попросил Валентин Валентинович.

Нина была готова к такой просьбе. Многие мужчины интересовались её жизнью. Многие советовали бросить проституцию и завести семью. Многие звали к себе в секретарши, в домработницы.

- Я сама из города, - сказала печально Нина, - а родители мои живут в деревне. У них...

- Мне это не интересно, - запретил Валентин Валентинович и припомнил вслух: - На одной из твоих фотографий, которые мне показывал Паша-гном, ты с кистью среди картин. Ты - художник?

- Да. Я окончила художественное училище. Мою дипломную работу - одноглавая церковь на берегу реки - купил владелец автосалона, - ответила Нина.

Валентин Валентинович захотел предложить проститутке написать его портрет, но передумал и спросил:

- Ты музыку любишь?

- Да, - призналась Нина. - Люблю второй концерт Сергея Васильевича Рахманинова.

- Что?! - приподнявшись на локтях, поразился Валентин Валентинович совпадению своего музыкального вкуса со вкусом проститутки. Ни бывшая жена его, ни бывшие любовницы не любили ни классическую музыку, ни музыку вообще.

- Люблю второй концерт Рахманинова, - весело повторила Нина.

- Ты - удивительная женщина, - озвучил внезапную мысль Валентин Валентинович и разоткровенничался: - Мне нравится твой тембр голоса, твоя нежная кожа, твой запах, твои пальцы и губы. Ты завтра принесёшь мне удачу на переговорах с застройщиками территории разрушенного стадиона.

- Ещё я люблю получать подарки, - внезапно для себя призналась Нина.

- Я люблю подарки дарить, - отозвался Валентин Валентинович, - но только людям, которыми дорожу.

- Я иногда сочиняю верлибры, - сказала Нина, чувствуя к себе интерес клиента. - Деревья посылают Земле покаянные письма. Земля перелетными птицами пишет деревьям ответ. Плачет небо, читая эту переписку. Осень.

- Ты умеешь что-нибудь готовить? - спросил Валентин Валентинович. Бывшая жена его и все бывшие любовницы предпочитали еду из ресторанов.

- Я люблю французскую кухню. Я умею готовить настоящий рататуй, - призналась Нина. Несколько лет назад она окончила кулинарные курсы и часто радовала себя и Ларису французскими блюдами. - Для рататуя нарезанные свежие овощи выкладывают внахлест на противень и посыпают тёртым сыром.

- Я люблю рататуй. Савелий отвезёт тебя на Центральный рынок, купишь овощи и приготовишь мне ужин, - произнёс Валентин Валентинович. В прошлом году путешествуя с бывшей женой по Франции, он часто вкушал рататуй, а бывшая жена без меры хомячила пасту и хлестала разное вино.

- Мне ещё надо забрать из одной квартиры мой чемодан с вещами, - воспользовалась ситуацией Нина.

- Не проблема. Савелий отвезёт тебя, куда скажешь, и привезёт обратно, - заверил Валентин Валентинович.

Нина встрепенулась, оседлала клиента, вскинула руки, запрокинула голову и задвигала тазом, убедительно имитируя

наслаждение томными стонами.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Через зарешеченное кухонное окно Альберт Везбин увидел во дворе Нину в чёрном платье. Рядом с ней шёл крупный молодой блондин в строгом костюме. Какой-то необъяснимой неприятностью веяло от парочки.

Альберт Везбин быстро прошагал в полутёмную прихожую и застыл в ожидании.

- Савелий, подожди меня здесь. Я возьму чемодан и вернусь, - войдя в подъезд, попросила Нина своего спутника, который возил её на фиолетового лимузине за овощами и фруктами на Центральный рынок.

- Ещё чего?! Отец приказал не сводить с тебя глаз, - грубо отозвался Савелий и хлопнул ладонью Нину ниже спины. - Шевели копытами! Через дня три ты надоешь отцу, и я с друзьями займусь тобой. Тебе с нами будет нескучно!

- Не дождётся, - с ненавистью во взгляде бросила Нина в самодовольное лицо Савелия. - Я лучше сдохну. Ты мне противен.

- Я тебе припомню эти слова, шалава, - проскрежетал он. - Я с друзьями наиграюсь тобой, а потом отдам тебя Густаву Эрнестовичу. Он из тебя сделает мужика, как в прошлом году из Паши-баскетболистки сделал Пашу-гнома.

Нина потеряла дар речи от новости про сутенёра и от перспективы стать мужчиной - грязным похотливым животным, портящим жизнь женщинам.

- Стой! - заметив торчащие щепки из дверной коробки, запретил Савелий, резко открыл дверь и шагнул в прихожую.

- Добро пожаловать! - низко поклонившись, приветствовал Альберт. В хлопковом просторном женском платье, в рыжем парике он выглядел клоуном из дешёвого балагана.

- Ты кто?! - поразился Савелий и вопросительно посмотрел на Нину, застывшую на лестничной площадке и прикрывавшую рот ладошкой.

- Это ты кто?! - рявкнул Альберт.

Хотя Глок 27 лежал в потайном кармане пиджака, Савелий выкинул вперёд правую руку. Альберт Везбин увернулся и стремительным хуком правой руки лишил нападавшего сознания. Затем капроновыми чулками из распахнутого чемодана Нины он шустро связал бесчувственному крупному телу ноги и загнутые за спиной руки.

Савелий застонал и открыл глаза. Альберт Везбин заткнул ему рот ажурными женскими трусиками и предложил Нине:

- Перекуси, на кухне я оставил тебе колбасы и хлеба.

- Я не хочу есть! Я хочу жить спокойно! - решительно объявила Нина. Покупая овощи и фрукты на рынке, она окончательно поняла, что хочет жить в многокомнатной квартире Валентина Валентиновича, заполненной мебелью разных эпох, картинами русских авангардистов и дорогими антикварными вещицами и безделушками.

- А я хочу тебя! - заявил Альберт и поинтересовался: - Где мои евро, милая моя? Почему ты их взяла без спроса?

- У Паши-гнома твои евро! Он забрал их у меня! - выкрикнула Нина и выбежала в переулок. Во время поездки на фиолетовом лимузине за овощами на рынок она запомнила - дом Валентина Валентиновича находится в соседнем переулке от дома с беременными кариатидами на фасаде.

Альберт Везбин последовал за Ниной по переулку, не смущаясь перед прохожими своего нелепого вида в широком женском платье, в рыжем парике. Нина влекла его. Он чувствовал себя сексуально озабоченным подростком, мало понимающим в любовных отношениях. Он шёл и ждал появления веских слов для разговора с Ниной о совместном будущем. Он был готов идти за Ниной сколько угодно, лишь бы она существовала на Земле.

Стоявший в переулке фиолетовый лимузин с пакетами овощей и фруктов на заднем сиденье освещался закатным солнцем.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Из ванной комнаты Валентин Валентинович в шёлковом купальном халате вернулся в спальню и прилёг на кровать. После секса с женщиной он привык проверять кровяное давление и работу сердца своего холёного тела с заметным подкожным жирком на животе и на боках. Осознав однажды,

что имеет лишний вес из-за стрессов в бизнесе, Валентин Валентинович, не закрыл своё риэлтерское агентство, а обратился за помощью Густаву Эрнестовичу Плошкину – к врачу хирургической клиники, занимавшей соседний трехэтажный дом. Густав Плошкин за неделю ежедневными уколами своей суспензии (без липосакции и без мучительных диет) снизил на треть вес тела Валентина Валентиновича. С тех пор Валентин Валентинович выделял Густаву Плошкину на тайные научные эксперименты часть ежеквартальной прибыли от сделок с недвижимостью в Санкт-Петербурге, в Москве и Московской области.

– Здравствуй, Валентин. Здравствуй, дорогой. Ты мне звонил – я пришёл послушать твоё щедрое доброе сердце, – появившись из коридора в спальне, объявил Густав Эрнестович. Он был в белом халате и держал в руке пухлый саквояж. Седина давно заметила черноту его жидких волос на бугристой голове. Его голубые холодные глаза скрывались за дымчатыми стёклами очков.

– Босс, проститутка вернулась с рынка и подходит к центральному входу. Подходит без Савелия. Подходит с какой-то рыжей бабищей, – раздался из переговорного устройства на антикварном комодке голос охранника.

– Густав, будешь рыжую бабищу? – с шутливой интонацией спросил Валентин Валентинович.

– Спасибо, не хочу, – сдвинув очки с кончика носа на переносицу, отказался Густав Эрнестович с непроницаемым лицом и предложил: – Давай всё же, измерим твоё давление.

– Давление обождёт. Я чувствую себя огурцом... Ты присядь и смотри, как я буду вертеть сразу двух бабёнок, – Валентин Валентинович расхохотался, достал из-под подушки малюсенькую пёструю коробочку, взял из неё и проглотил пилюлю для укрепления потенции.

Густав Эрнестович опустил в кресло и поставил на колени саквояж. В семидесятилетнем возрасте он давно из-за большого сердца отказался от секса, но любил наблюдать за сексом других людей.

– Я к Валентину Валентиновичу, – сказала Нина подтянутому охраннику на входе в здание, пересекла маленький холл и шагнула на ступеньку парадной мраморной лестницы на второй этаж.

– Я к Валентину Валентиновичу, – тоже сказал Альберт и шагнул в холл. Он был убеждён, что осилит любого противника в схватке за тело Нины.

Охранник разглядел в плечистой рыжеволосой крупной женщине мужчину, сорвал головы ряженого парик и надавил локтем кнопку на стене.

Завизжала сигнализация. Трое охранников выскочили из комнаты под парадной лестницей. Одному охраннику Альберт Везбин болевым приёмом сломал кисть руки, другого охранника ударом ноги в грудь опрокинул навзничь, третьего охранника звизданул кулаком в лоб, – но четвёртый охранник отключил сознание Везбину размашистым ударом резиновой дубинкой по затылку.

Не оглянувшись на драку, Нина поднялась по лестнице на второй этаж, длинным коридором прошла в спальню, разделась под восхищенными взглядами пожилого и старого мужчины и отправилась в ванную комнату.

– Видел красотку? – почему-то шёпотом спросил Валентин Валентинович у Густава Эрнестовича, который от восторга выпучился и распахнул рот с нижним и верхним рядом золотых зубов.

– Босс, что нам делать с бугаем переодетым в бабу?! – раздался голос из переговорного устройства на антикварном комод.

– Что?! – не понял Валентин Валентинович. – Какой бугай?!

– Рыжая бабища оказалась здоровым мужиком, – пояснил голос из переговорного устройства на комод. – Он сломал руку Хасану, сильно ушиб грудь Мишелю и голову Махмуду.

– Доставьте героя в операционную к Густаву Эрнестовичу. Пусть герой послужит науке, – распорядился Валентин Валентинович. – Потом отвезите его к Паше-гному. Он найдёт для него дело.

Выполняя приказ Валентина Валентиновича, два охранника протащили закованного в наручники бесчувственного Альберта Везбина по коридору первого этажа в пристройку в торце здания и закрепили хромированными зажимами на хирургическом столе.

Тем временем в спальню Валентина Валентиновича вошла обнаженная Нина. Овальное лицо её без косметики было свежим и румяным. Плотные бёдра её и ягодицы не имели целлюлита. Тёмно-русые волосы едва касались округлых плеч. Стыдливо улыбаясь, она одной рукой прикрывала высокую грудь, другой треугольник тёмных волос внизу живота. Кончик языка её беспокоил приоткрытые полные губы.

– Познакомься, девочка, это тайный скульптор рода человеческого, Густав Эрнестович, – Валентин Валентинович снял с себя халат.

Довольный похвалой Густав Эрнестович заёрзал в кресле.

- Очень приятно,- робко сказала Нина и плавно поменяла местами руки. - Жаль, мой господин, нет спиртного - оно бы раскрепостило нас и обострило кайф,

- Есть. Возьми в комод, - позволил Валентин Валентинович и спросил: - Густав, выпьешь с нами?

- Не буду вам мешать. Меня ждёт материал для опыта, - с трудом отведя взгляд от ягодиц Нины, наклонившейся к дверце антикварного комода, воскликнул Густав Эрнестович, рывком поднялся с кресла и отправился с саквояжем в пристройку к зданию.

Валентин Валентинович глотнул коньяк из рюмки, и после скоротечного соития с Ниной лёг на спину и смежил веки.

- Отдохни, мой львёнок... Ты самый сильный... Ты самый ласковый... Я хочу быть с тобой вечно... Я - твоя рабыня... Я всегда буду исполнять все твои желания, - прошептала Нина заученные когда-то по совету Ларисы фразы универсально-желанные для мужчин всех возрастов.

Валентин Валентинович был счастлив. От бывшей жены и от любовниц он не слышал ничего подобного. Он потянулся и безмятежно заснул. Он не знал, что Нина в рюмку с коньяком перенесла из-под пластыря в промежности таблетку клофелина. Она и прежде использовала понижающий давление препарат для усыпления своих пожилых клиентов, - их жёсткие пальцы, их бесчувственные губы, их грубые повадки и слова гадили её детскую любовь к однажды увиденному на улице военному лётчику.

Нина покинула постель, прихватила с антикварного комода золотую статуэтку Аполлона и юркнула из спальни через приоткрытую дверь в коридор. Она помнила, что Савелий грозил с помощью Густава Эрнестовича превратить её в мужика. Посоветовавшись со своим ангелом-хранителем, Нина решила не быть робким подопытным существом.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Альберт Везбин очнулся на хирургическом столе в операционной комнате. Ноги и руки его обездвиживали специальные металлические зажимы, закреплённые на рёбрах стола. Подол женского платья был задран ему до груди. Разрезанные трусы его валялись в мусорном ведре поверх пустых упаковок от одноразовых шприцов и обрывков бинтов. В операционной комнате кроме многофункционального хирургического стола под бестеневой лампой находился: системный блок с монитором, один баллон с кислородом, баллон с закисью азота, электронасос, штатив для инфузионного раствора, наркозный аппарат.

Круживший возле хирургического стола Густав Эрнестович торжественно произнёс:

- Возрадуйся, незнакомец. Не кляни судьбу. Ты сейчас послужишь науке – ты из самца станешь самкой. Рожать, правда, не сможешь, но сексуальное наслаждение получать будешь и заживёшь совсем другой жизнью. После курса инъекций суспензии мне не понадобится из кожи твоей мошонки формировать вагину. Твоя грудь сама прибавит объём. Твой кадык исчезнет...

- Что?! – вскипел Альберт, но металлические зажимы помешали ему пользоваться руками и ногами.

- Я со студенческой скамьи занимался проблемами долголетия, проблемами лишнего веса у человека, – продолжил Густав Эрнестович, расpiraемый тщеславием. – Я стажировался в Европе в закрытых клиниках и там же несколько лет лечился в частной психиатрической лечебнице. Вернувшись в Москву, я опубликовал статью о решении проблемы долголетия пересадкой молодых внутренних органов вместо износившихся. Я опубликовал статью о регулирование веса человека химия терапией. Эту статью заметил Валентин Валентинович и предоставил для моих дальнейших исследований пристройку с подвалом. Однажды я обнаружил в подвале пристройки, в нише стены из бутового камня, свиток на латыни – рецепт зелья, повышающего потенцию у мужчин после сорока лет. После многолетних опытов с зельем я получил чудесную суспензию. Теперь без операционного вмешательства я могу сотворить из самца самку, а из самки самца.

Альберт Везбин вновь напрасно напряг мышцы рук и ног, прижатых к столу металлическими зажимами.

- В прошлом году сутенёр Паша-гном был баскетболисткой,
- сообщил Густав Эрнестович и достал из саквояжа шприц

и ампулу, – над её двухметровым ростом, над её коряво слепленным лицом насмеялись все кому не лень. Теперь Паша-гном – уважаемый сутенёр. Он часто звонит мне и благодарит за суспензию. Правда, бедняга не знает, что из-за суспензии печень его разрушит через пару лет рак.

– Заткнись, гад! Делай своё дьявольское дело, но запомни, если я стану женщиной, я поймаю тебя, оседлаю и затрахую до смерти, – пригрозил Альберт.

– Такая активная самка понравится Паше-гному. Он с удовольствием возьмёт тебя в свою команду... Предупреждаю, после инъекций у тебя появится сухость во рту, зуд в паху и в анусе, лёгкое покалывания в паховых и шейных лимфоузлах. Но это не страшно... Что вам надо, мада-а-ам?!

Альберт повернул голову и увидел, как голая Нина золотой статуэткой ударила по голове старика, как брызнула кровь, как шприц с суспензией раньше старика упал на пол.

– Альберт, беги, беги отсюда! – освободив от зажимов руки и ноги Везбина, приказала Нина.

– Ты разве не со мной?! – соскочив с хирургического стола, крикнул Альберт.

– Нет, – спрятав за спину статуэтку Аполлона, проронила Нина и после короткой паузы добавила: – Повторяю: деньги твои у меня отнял Паша-гном, – и назвала улицу и дом недалеко от площади трёх вокзалов.

– Бежим со мной! – предложил Альберт.

– Нет. Я останусь. Объяснять нет времени. Иди за мной, – сказала строго Нина и вывела Везбина через пожарный выход в тесный безлюдный темный дворик. Об этом пути из операционной комнаты Нина слышала от Савелия, во время поездки на лимузине за продуктами на рынок.

– Увидимся. Пока, – попрощался Альберт, прошагал вдоль стены соседнего дома и вышел в переулок. Он верил, что скоро проведёт с Ниной умопомрачительную ночь. Но он ошибался – он уже никогда не встретит Нину. Много работая начальником охраны в строительной компании дяди Бори, он лишь изредка будет грустить о тёмно-русой привлекательной проститутке.

Но вот Нина почувствовала вечную разлуку с Альбертом, быстро поднялась по чёрной лестнице на второй этаж, приняла с золотым Аполлоном душ в ванной комнате и прошла в спальню.

Там Валентин Валентинович лежал на спине, похрапывал и

смешно подёргивал одновременно верхней губой и большими пальцами ног. Нина поставила на комод тщательно отмытую от крови статуэтку Аполлона, допила из рюмки остатки коньяка с клофелином и положила голову на мужской живот с кудрявыми седыми волосками. Она верила – ангел-хранитель не даст ей попасть на скамью подсудимых.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Альберт Везбин вошёл в квартиру дяди Бори, прикрыл за собой дверь с торчащим язычком врезного замка и включил свет. Связанный по рукам и ногам Савелий дремал на полу, в луже остро пахнувшей мочи.

Альберт Везбин принял душ, надел в комнате рубашку, серый мятый костюм, прошёл в прихожую и вытащил изо рта Савелия женские ажурные трусики.

– Ты – покойник! – проснувшись, пригрозил Савелий, отплевался и громогласно выругался матом.

– Класс! – похвалил Альберт. – Повтори, но медленно. Я запишу. Савелий выругался дольше и громче прежнего.

– Тихо!.. Тихо! – приоткрыв дверь своей квартиры и оставаясь в прихожей, потребовала Клавдия Назаровна. – Тихо, или я вызову полицию!

– Рот закрой, гад обоссанный. Мне полиция не нужна, – проскрежетал Альберт и врезал ногой Савелию по рёбрам.

Наступила тишина.

– Спасибо, – поблагодарила Клавдия Назаровна, закрыла входную дверь и вернулась в комнату, к своему дневнику на письменном столе.

Альберт Везбин обыскал пленника, забрал из потайного кармана его пиджака Глок 27, а из кармана брюк брелок с ключом зажигания и поинтересовался:

– Мы расстанемся мирно или с переломом твоей спины?

– Мирно, – проворчал Савелий и часто зашмыгал носом.

– Вижу ты на машине. Отвезёшь меня в одно место, и катись на все четыре стороны. Согласен? – спросил Альберт, наслаждаясь тяжестью пистолет в руке.

– Согласен, – представив себя в инвалидной коляске, ответил Савелий.

Альберт Везбин назвал адрес и перочинным ножом из кожаной борсетки, взятой с кухонного стола, разрезал капроновые чулки на запястьях и лодыжках пленника.

- Это бордель Паши-гнома! - вскочив на ноги, воскликнул Савелий, растирая ладонями запястья. - Он поставляет тёлочку моему приёмному отцу и другим уважаемым людям.

- Ша! Пошли, отвезёшь меня в бордель, - вручив брелок с ключом зажигания, приказал Альберт и пригрозил словом и пистолетом: - Дёрнешься - колени прострелю. Понял?

Савелий кивнул и вышел впереди Везбина из квартиры в темноту двора, дошёл до фиолетового лимузина в переулке, освещённом фонарями и окнами домов, и занял в лимузине место за рулём. Альберт Везбин уселся на заднее сиденье и наставил ствол пистолета на затылок Савелия. Лимузин скатился на Трубную улицу и по ней выехал на Садовое кольцо.

За поездку ни Альберт, ни Савелий не произнёс ни слова. Они бы сильно удивились, если бы заговорили о службе в армии. Оба отслужили в одном полку, но Везбин остался в разведроту по контракту, а Савелий вернулся домой, в Москву, и устроился в охрану Валентина Валентиновича.

- Вот курятник Паши-гнома, - остановив лимузин перед входом в мини-гостиницу, сказал Савелий.

На другой стороне улицы освещалась изнутри измазанная краской витрина продуктового магазина, давно закрытого на ремонт.

Альберт Везбин вылез из лимузина и пожал плечами, разгоняя застоявшуюся в области лопаток кровь, покрутил и покачал головой, хрустя шейными позвонками.

- Ствол отдай, - опустив стекло на водительской дверце, попросил грубовато Савелий. - Я сдержал слово.

- Катись отсюда и радуйся жизни, - проворчал Альберт и убрал пистолет в боковой карман пиджака.

- Ты ещё у меня ноги целовать будешь! - пригрозил Савелий, матюкнулся, рванул лимузин с места, обогнал такси и скрылся за поворотом.

Только тогда Альберт Везбин вошёл в мини-гостиницу, остановился у стойки администратора и объявил:

- Я к Паше-гному.

- Добрый вечер. Вы по записи или экспромтом? – прервав разговор по мобильному телефону, спросила администратор.

- Где Паша-гном?! Ну! – процедил Альберт, перегнулся через деревянный барьер, схватил администратора за блузку на груди и потряс так, что блузка затрещала.

- На втором этаже. Комната с баскетбольной сеткой на двери, – прохрипела администратор.

Альберт Везбин отпустил блузку и предупредил зловещим тоном:

- Сбрехала – убью. Дёрнешься, вякнешь – убью.

Администратор низко склонила голову и беззвучно заплакала, умоляя своего ангела-хранителя защитить её жизнь.

Альберт Везбин по лестнице поднялся на второй этаж, выбил ногой дверь с услышанной приметой и навёл на Пашу-гнома Глок 27.

Отвернувшись от экрана телевизора, на котором демонстрировалась серия мексиканской мелодрамы, Паша-гном смахнул слезинку из-под нижнего века, узнал своего обидчика на платформе Ярославского вокзала, увидел пистолет и рухнул на колени.

- Не убивай, – прошептали его пересохшие губы. – У меня мама больная, отец хроменький, двое братьев и сестёр ещё в школе учатся. Не убивай.

- Верни евро, что взял у Нины, из-за которой я усадил тебя в урну, – потребовал Альберт и ткнул стволом пистолета в висок сутенёра.

- Не убивай, умоляю, не убивай, – Паша-гном на коленях приблизился к напольному сейфу, достал из него пачку евро.

Альберту Везбин положил деньги в борсетку, Нокаутировал сутенёра ударом колена в подбородок и вышел из номера в коридор, в который из других номеров высунулись любопытные мужские и женские лица. Не обращая на зрителей внимания, Альберт Везбин вернул пистолет в боковой карман пиджака, спустился по лестнице в холл и вышел на улицу. В борсетке зазвонил смартфон.

- Слушаю дядя, – соединившись с абонентом, сказал Альберт.

- Клавдия Назаровна пожаловалась мне, ты много шумишь, ты сломал дверь в мою квартиру. Короче, – произнёс сердито Борис Иванович. – Альберт, ты хочешь поссориться со мной?! Так это просто.

- Нет, дядя. Больше никаких жалоб от соседки на меня ты не услышишь. Отдыхай спокойно, - ответил Альберт.

- Я прилечу в Москву завтра утром, - сообщил дядя Боря и, промолчав о бегстве Аллы с испанцем в Европу, прервал разговор.

Альберт Везбин прошёл пешком в гостиницу «Ленинградская», где вселился в номер на сутки.

Утром в «Ленинградскую» заехал из аэропорта Борис Иванович и увёз Альберта в свой особняк на Рублёвском шоссе.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Валентин Валентинович и Нина спали вальетом голыми на кровати в тёмной спальне. Темнота царила и в других комнатах старинного дома. Лишь в операционной комнате, не имевшей окон, горел свет. Четверо крепких мужчин в чёрных дорогих костюмах стояли навтыжку перед Савелием - личным водителем и приёмным сыном Валентина Валентиновича.

- Я выслушал вас, но не понял: как умер Густав Эрнестович, - подвёл Савелий итог докладу охранников и брезгливо тронул носком туфли плечо трупа.

Странно выглядела на затылке трупа кровавая рана, а предмет, причинивший её, не был даже после тщательного обыска операционной комнаты.

- И мы не понимаем, - подал голос черноволосый охранник с узкими бакенбардами, обнаруживший во время полуночного обхода помещений труп врача. - Валентин Валентинович давно запретил записывать происходящее в доме, когда он развлекается с проститутками. А Густав Эрнестович здесь запретил ставить камеры наблюдения - оберегал свои опыты.

- Теперь мы по уши в говне, потому что мой отец боялся появления на порно сайтах кадров своей сексуальной жизни, - проворчал Савелий и выругался матом.

- Что же нам делать? - спросил охранник с назревшим угрём над верхней губой. - Чую селезёнкой, нас всех повяжут и отправят в КПЗ.

- Мы работаем вместе не один год, - спокойно сказал Савелий и опять брезгливо тронул носком туфли плечо трупа. - Мы пережили вместе много хорошего и плохого. Мне и отцу

будет трудно подобрать в нынешнее время таких верных людей, как вы. Я предлагаю продолжить наш совместный труд. Я уверен, вы не забыли, как канул в вечность господин Щецебик, отказавшийся продать отцу акции своей фабрики? Как закончил жизненный путь несговорчивый фермер из Подмосковья, владевший всей землёй разорившегося колхоза?

- Не забыли, - подтвердили охранники и почему-то дружно посмотрели на свои руки.

- Я уверен, вы не забыли Гасана Ландышева, который кинул отца с покупкой дома на Невском проспекте? - равнодушно спросил Савелий и после короткой паузы заключил: - Не будем нарушать многолетнюю традицию.

Охранники ответили молчанием и ледяными взглядами. Они помнили, как весной в этой операционной комнате задушили кусачего бизнесмена из Санкт-Петербурга, а потом вынесли и скинули его в канализационный коллектор.

- Мне точно известно, старика Густава никто искать его не будет. Он посветил всю жизнь свою науке и сторонился людей. Так не будем осложнять жизнь ни моему отцу, ни себе! - объявил Савелий. - Берите старика за руки за ноги, - и за мной!

Охранники подняли бездыханное хладное тело. Савелий взял с пожарного щита фомку, отодвинул засов и распахнул дверь пожарного выхода. По освещённому прямоугольнику пять фигур подошли к крышке канализационного колодца, покопошились с ней и возле неё, а затем вернулись в операционную комнату и вымыли руки над раковиной из нержавеющей стали.

- Спасибо всем нам. Отдыхайте, - поблагодарил Савелий охранников и закрыл на засов дверь пожарного выхода.

На следующий день, после обильного ливня спасатели выловили из Москвы-реки труп старика в белом халате. Следствие посчитало причиной смерти Густава Эрнестовича Плошкина - любителя изучать по ночам подземные ходы в центре Москвы - несчастный случай. Дело было закрыто и отправлено в архив.

На улице Сретенка и на соседних с ней переулках жизнь людская продолжается, как ни в чём не бывало...

Сконвертировано и опубликовано на <https://SamoLit.com/>